

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ И МОНГОЛИИ

В статье рассматривается состояние сельских территорий в России и Монголии, анализируются причины дисфункциональности их развития в современную эпоху. Автор предполагает, что, несмотря на преобладание негативных характеристик, сельские территории обладают значительным модернизационным потенциалом.

Ключевые слова: модернизация, сельские территории, аграрная экономика, сельское население.

*Zhalsanova Valentina Gurozhapovna*The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation**MODERNIZATIONAL POTENTIAL RURAL AREAS OF RUSSIA AND MONGOLIA**

The article is considered the condition of rural areas in Russia and Mongolia, analyzes the reasons for the dysfunctionality of their development in the modern time. The author suggests that despite the predominance of negative characteristics, rural areas have a significant modernization potential.

Keywords: Modernization, rural areas, agrarian economy, rural population.

В современном мире урбанизация является одним из основных социальных процессов, определяющих темпы и качество модернизации. Поэтому многие исследователи и простые обыватели рассуждают в следующем ключе: современное общество – это общество городское, рациональное по сути и содержанию, и, значит, соответствующее критериям индустриального и постиндустриального обществ. В итоге сельские территории рассматриваются исключительно как место, где течение жизни иррационально и никак не отвечает требованиям современности. Несомненно, нельзя отрицать полностью эти утверждения, они вполне справедливы и сегодняшняя жизнь в городах и селах имеет свои качественные различия. Город представляется зоной комфортного проживания, а село – местом отставания, а где-то даже деградации.

В постсоветском российском и монгольском обществах развитие городских и сельских территорий получило специфические особенности, обусловленные историческим развитием в течение всего XX столетия, процессами социальной трансформации, последовавшими за распадом социалистической системы, и затянувшимся экономическим кризисом. Особенно тяжело негативные проявления отразились на жизнедеятельности сельского социума, где вследствие развала сельскохозяйственного производства, произошло значительное снижение уровня жизни населения, подверглась крупным деформациям социальная инфраструктура и резко усилилась миграция в направлении крупных городов. Тем не менее, несмотря на сложное социальное положение сельского населения, утверждать о полном банкротстве села как социально-экономической территории было бы несправедливо. Села не исчезли, там продолжают функционировать разного рода предприятия и хозяйства. И самое главное, там продолжают жить люди, и нельзя отнести всех сельских жителей только к одной категории бедствующего населения. Социальное и имущественное расслоение среди сельчан позволяет рассуждать о разных социальных

группах в их среде, разных экономических моделях поведения, об отличающихся культурных установках. Поэтому нельзя абсолютизировать село как территорию отсталости и отчуждения, и стоит искать пути его модернизации. Потенциал сельских территорий заключается в том, что в современном мире, несмотря на урбанизацию, важно и необходимо наличие сельскохозяйственного производства, призванного обеспечить продовольственную безопасность страны.

На наш взгляд, анализируя состояние сельских территорий, надо исходить от понимания их как части всего общественного механизма, или социальной системы. Село, будучи частью системы, не может существовать автономно и соответственно является полноправным субъектом всех социальных преобразований, и процессов социальной трансформации в том числе. Просто особенность села заключается в первую очередь в недостаточности экономических, социальных, инфраструктурных ресурсов, которые позволили бы ему соответствовать требованиям современности. Именно этим объясняется дисфункциональность и дезорганизованность социальных процессов в селе. В результате траектория его развития как социально-территориальной системы никак не желает идти по постоянной восходящей линии. К сожалению, социально-экономический кризис стал естественным состоянием постсоветской деревни, а его глубина и затяжной характер обусловлены комплексом причин экономического и социокультурного порядка.

Произошло масштабное изменение всей системы социальных связей и отношений в сельском социуме. Коллективные хозяйства, колхозы и совхозы, практически исчезли, а сохранившиеся претерпели значительные трансформации. Отсутствие работы привело к росту самозанятости. Изменилась социально-профессиональная структура, значительно сократилась численность сельскохозяйственных специалистов и рабочих. Приобрели своеобразную значимость работники бюджетной сферы и пенсионеры, которые несмотря на низкие доходы, стали на селе основными

получателями стабильных денежных выплат. Социальные изменения в селе также имели еще одно негативное последствие – распространение девиантных форм поведения. Другими словами, произошло изменение сущностных характеристик сельского сообщества. Поэтому «для реформирования необходимо ясно и четко понимать, какую социальную среду предстоит реформировать, хорошо представлять устойчивые первоосновы жизни селян, нормы, стандарты их повседневной жизни» [Эфендиев, 2002, с. 88].

Характеристики села как депрессивной социальной среды стали активно использоваться в практике социальных исследований с периода масштабных перемен постсоветского периода. Так, например, Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин отмечали, что кризис и последовавший за ним упадок производства привели к отсутствию развития и снижению уровня жизни в сельских районах и малых городах, тесно связанных с агропромышленным производством. Вследствие этого самым негативным результатом становится затянувшийся период «общей деградации села и бесперспективности жизни для наиболее активных и деятельных групп, не могущих существовать за счет доходов от своего труда и не имеющих надежд на лучшее в ближайшем будущем» [Гудков, 2008, с. 200]. На наш взгляд, определение причин упадка сельских территорий в современной России только последствиями реформ 90-х годов прошлого столетия не совсем верно. Одной из причин данного состояния также являются процессы урбанизации в советский период, когда произошло значительное вымывание населения вследствие его миграции в города. Следующая причина кроется в особенностях инфраструктуры сельских территорий вследствие хозяйственной организации по принципу монофункциональности. Т. Г. Нефедова в своем масштабном исследовании сельской России писала, что «насаждаемая властями в советское время монофункциональность обернулась сильной зависимостью всей жизни в деревне от одного предприятия: колхоза, совхоза или леспромхоза... Сугубо производственные приоритеты их развития в советские годы привели к инфраструктурной и социальной необустроенности, последствия которой мы сейчас и усугубляем. Наконец, современная информационная глобализация, дошедшая благодаря телевизорам, сотовым телефонам, компьютерам почти до всех деревень, вместо сглаживания различий высветила огромные контрасты между жизнью в больших городах и в сельской глубинке и только усилила ощущение отсталости деревни, особенно в депрессивных районах» [Нефедова, 2013, с. 9].

Аграрный сектор, подвергшийся крупным преобразованиям, должен был решить проблему реорганизации колхозно-совхозной системы, а также способствовать появлению новых форм хозяйствования, в первую очередь развитию фермерства. Для реализации данных преобразований в первую очередь была предпринята земельная реформа, суть которой заключалась в отмене государственной монополии на землю. «Главной

целью земельной реформы было перераспределение земли между хозяйствующими субъектами для равноправного развития различных форм хозяйствования и рационального использования земель на территории России» [Нефедова, 2013, с. 13]. К сожалению, земельный рынок не получил должного развития. Все институциональные преобразования не привели к возникновению новых эффективных социальных отношений, которые могли бы способствовать усилению позиций сельскохозяйственного производства и развитию сельских территорий. Наоборот, трансформация социально-профессиональной структуры сельского социума пошла привела к значительному сокращению численности сельскохозяйственных специалистов и рабочих, фермерство так и не стало значимым элементом. Приобрели своеобразную значимость работники бюджетной сферы и пенсионеры, которые, несмотря на низкие доходы, стали на селе основными получателями стабильных денежных выплат. Социальные изменения в селе также имели еще одно негативное последствие – распространение девиантных форм поведения. Другими словами, произошло изменение сущностных характеристик сельского сообщества. Поэтому «для реформирования необходимо ясно и четко понимать, какую социальную среду предстоит реформировать, хорошо представлять устойчивые первоосновы жизни селян, нормы, стандарты их повседневной жизни» [Эфендиев, 2002, с. 88].

Таким образом, мы отмечаем, что с одной стороны, сельские территории современной России находятся в состоянии кризиса, истоки которого коренятся как в советском прошлом, так и в последствиях масштабных социальных преобразований 90-х годов. С другой стороны, несомненно, что сельские территории несут огромную функциональную нагрузку и от их развития зависит развитие страны в целом. Поэтому пока на карте нашей страны есть села, и люди, живущие в них, то можно говорить о наличии экономического и социокультурного потенциала государства и общества.

Несомненно, что села в Бурятии имеют такие же характеристики, как и села во всей России. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года в республике 255 сельских поселений. «При этом следует отметить, что они являют собой сложное образование, которые представляют собой тип муниципального образования, объединяющего несколько сельских населенных пунктов. Численность собственно сельских населенных пунктов составляет 613, из них 4 без населения. Вызывает интерес группировка сельских населенных пунктов по численности населения. Наиболее многочисленными являются средние сельские населенные пункты, где численность населения составляет от 100 до 1000 человек – 370 сел. При этом в данной группе преобладают села с населением от 201 до 500 человек. Их количество равно 155. Далее следуют села с численностью от 501 до 1000 человек – 123 села и 92 села с числом жителей от 101 до 200 человек. Крупные села с

численностью населения свыше 1000 человек по количеству несколько отстают от малых сел (численность населения менее 100 человек) – 104 и 135 сел соответственно. Тем не менее, наибольшее количество сельского населения сосредоточено именно в крупных селах. В малых селах проживает всего 6237 человек, что составляет 1,5% от всех сельчан. В то время как в крупных селах сосредоточено 61,1% населения. В средних селах – 151117 человек или 37,4%.

Подобная структура сельских населенных пунктов сложилась вследствие как советской практики сокращения малых сел, так и нарастания миграционных процессов в постсоветскую эпоху. Именно в малых и средних селах сильнее всего проявились негативные последствия разрушения сельскохозяйственного производства, выразившиеся в первую очередь в резком снижении уровня жизни, сокращении количества рабочих мест, развала социальной, образовательной и медицинской сфер» [Жалсанова, 2017, с. 173-174].

В чем же может заключаться модернизационный потенциал сельских территорий Бурятии. На первый взгляд, кризисные явления вкупе со сложными природно-климатическими условиями, не могут позволить развивать эффективное земледелие и крупное стойловое животноводство. Тем не менее, это не должно означать отказ от развития аграрного сектора. При должном уровне государственной поддержки и грамотной инвестиционной политики возможно развитие овощеводства и растениеводства. Животноводство возможно с использованием абorigенных видов скота, приспособленных к природным и климатическим условиям, а значит менее затратным. При этом не должен быть и полный отказ от стойлового животноводства. Основными причинами трудностей и проблем при реализации данных задач становятся причины экономического, инфраструктурного и социального порядка. Далее мы приводим краткое перечисление данных причин. На самом деле данный список был бы шире, но я не провожу их глубокий анализ, так как это является темой отдельного исследования.

Экономические причины:

- отсутствие внятной аграрной политики на уровне региона;
- отсутствие финансовых ресурсов у сельскохозяйственных производителей в лице предприятий и фермеров;

Инфраструктурные причины:

- отсутствие предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции;
- отсутствие налаженной системы сбыта.

Социальные причины:

- нехватка специалистов по растениеводству и животноводству;
- миграция экономически активного населения в города;
- рост девиантных форм социального поведения и иждивенческого настроения среди сельских жителей.

Развитие сельских территорий также не должно связываться исключительно с аграрным производством. Их модернизация должны

предусматривать развитие других форм хозяйствования, обеспечения условий для малого и среднего бизнеса. В качестве одного из возможных путей развития можно предположить развертывание сельского туризма и этнотуризма. Также необходима поддержка социальной инфраструктуры, в первую очередь, учреждений образования, культуры и здравоохранения. И также повторю мысль о том, что пока есть на селе люди, потенциал у села сохраняется. Поэтому политика народосбережения может стать одним из главных условий развития модернизационного потенциала. Село должно отвечать всем требованиям современности по обеспечению удобства и качества для жизнедеятельности.

В современной Монголии нomaдизм как тип хозяйственной деятельности и связанный с ним образ жизни играет важную роль. Объясняется это тем, что сельское хозяйство с преобладанием животноводческой направленности продолжает оставаться ведущей отраслью экономики. Как отмечает Дашпурев Данзанхорлоогийн, «будущее экономическое состояние современного монгольского общества уже предопределено процессом приватизации социалистической собственности. Оно носит многоукладный, нерегулируемый государством противоречивый характер» [Дашпурев Данзанхорлоогийн, 2018, с. 220]. Далее он пишет, что «животноводство, особенно кочевое скотоводство, в целом в ближайшем будущем станет базовым хозяйством в современной Монголии, так как у него до сих пор существуют широкие возможности производить экономически дешевые сырьевые продукты – шерсть, кожу, мясо, молоко и молочные изделия, особенно если мясо и молочные продукты кочевого животноводства перерабатываются на основе гибкой высокой технологии» [Дашпурев Данзанхорлоогийн, 2018, с. 221]. Также Дашпурев Данзанхорлоогийн связывает будущее сельской экономики с развитием туризма. Таким образом, модернизационный потенциал аграрной экономики Монголии заключается в сохранении традиционного животноводства на основе использования высокотехнологичных способов переработки его продукции. Важным сопутствующим направлением становится туристическая отрасль. Для Монголии, как пишет А. С. Железняков, «сохранение монокультурного характера сельского хозяйства ...определяет ее положение в качестве специфического экологического и демографического анклава в центре Азии со своим собственным вектором технического и цивилизационного развития, и, в конечном итоге, выступает условием выживания монгольского народа, его самобытной культуры и уникальной окружающей среды [Железняков, 2009, с. 27].

Тем не менее, не хотелось бы фиксировать сугубо негативные моменты в социальной сфере. В целом эмоциональный фон сельских жителей можно оценить как положительный. Этому способствует сам образ жизни, лишенный суеты и стрессов, характерных для городов. К тому же многие

сельчане сохраняют традиционные культурные модели поведения, склонны к опоре на родственные узы. Так, например, традиционное бурятское мировоззрение, опирающееся на буддийскую религию и шаманизм, способствует не только выживанию в сложных условиях современности, но и позволяет адаптироваться в современном социуме [Жалсанова, 2008, с.166]. Дашпурев Данзанхорлоогийн, анализируя опыт модернизации в Монголии, отмечает, что «синтез мирового опыта с внутренними потенциями органического развития каждого конкретного общества способен сплотить на путях модернизации весь социум и дать наилучший результат с наименьшими издержками. Этот путь

представляется нам наиболее гуманным и плодотворным» [Дашпурев Данзанхорлоогийн, 2018, с. 241]. Таким образом, модернизационный потенциал тесно переплетается с социокультурными факторами. Традиция вкупе с инновациями способна наполнить жизнь в сельских территориях новым качеством. Монгольское и бурятское общество, подвергшиеся долгому периоду трансформации, характеризуются слабо развитой социальной сферой, но при этом именно в сельских территориях наблюдается процессы культурного, религиозного возрождения традиций, многовекового наследия народов, и их сочетания с новым технологичным миром.

Литература

- Эфендиев А. Г., Болотина И. А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. № 4. С. 83-125.
- Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. М.: Новое издательство, 2008. 468 с.
- Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
- Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с.
- Жалсанова В. Г. Миграционное поведение сельских жителей Бурятии: факторы и тенденции // Что мы знаем о современных российских пригородах?: сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 170-179.
- Жалсанова В. Г. Социальное самочувствие сельской бурятской интеллигенции в современном российском социуме // Интеллигенция и проблемы национальных отношений: Материалы VII Междунар. науч. конф. : в 2 т. М.; Улан-Удэ, 2008. Т. I. С. 165-171.
- Дашпурев Данзанхорлоогийн. Этапы модернизации монгольского общества (социально-философский анализ). Издание третье. США, 2018.
- Железняков А. С. Социально-политическая детерминация политических процессов в монгольском обществе: Автореф. дисс. ...докт. полит. наук. М., 2009.